

Память и язык

РАЗНАЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ ПО ДВУМ СПОРНЫМ ВОПРОСАМ

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 462

Март 2017 г.

Володымыр Кулык¹

Національна академія наук України; Йельський університет

Среди множества вызовов, с которыми столкнулись украинские власти после победы Евромайдана, две проблемы больше всего способны разделить общество и таким образом ослабить страну в ее продолжающейся борьбе с Россией: память и язык. В этих двух сферах власти должны было примирить призыв активного меньшинства к радикальному разрыву с имперским наследием и требование большинства сохранить существующее положение вещей. Украинские активисты настаивают на том, что ввиду войны с неоимперской Россией, Украина должна оборвать все связи с насаждаемым Москвой «русским миром». Однако, украинское руководство принимает во внимание то, что подобные политические сдвиги могли бы отрицательно повлиять на лояльность многих граждан, поддерживающих идеологии и практики, которые были внедрены российским/советским имперским правлением и поддерживались на протяжении более двух десятилетий нерешительной украинской независимости.

Хотя и память, и язык являются достаточно спорными вопросами, правительство избрало в отношении к ним очень разную политику. В политике памяти оно следовало довольно радикальному националистическому курсу, не смотря на то, что его не поддерживала значительная часть населения, особенно те, кто осуждал Евромайдан и возмущался его последствиями. А в языковой сфере власти в основном воздерживались от решительных шагов в поддержку украинского языка, прежде всего из-за страха отторгнуть тех, кто хотел по-прежнему использовать русский. Структурную асимметрию принятия решений в двух сферах можно объяснить политической целесообразностью и непониманием политиками предпочтений населения.

¹ Володымыр Кулык – главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины. В 2016-2017 гг. – приглашенный профессор Центра международных и региональных исследований имени Макмилланов Йельского университета.

Раздвоение политики идентичности

Наиболее известным аспектом политики памяти в период после Евромайдана было принятие и последующее исполнение так называемых законов о декоммунизации. Их принятие в апреле 2015-го вызвало споры как внутри страны, так и за рубежом. Один из этих законов осудил коммунистическую (а также нацистскую) идеологию и запретил «пропаганду» ее символов. Другой закон провозгласил ряд политических и военных формирований «борцами за независимость Украины» и ввел криминальное преследование за отрицание правомерности их борьбы.

Многие интеллектуалы, политики и активисты в Украине и за рубежом выступили против некритичного чествования этих формирований и предупредили, что законодательное навязывание одного исторического нарратива может привести к ограничению свободы слова и проведения исторических исследований. Они утверждали, что прославление украинских националистов времен Второй Мировой Войны, боровшихся против советского режима, но также иногда участвующих в антиеврейских погромах и антипольских этнических чистках, отдалит этнических русских в восточной Украине и нанесет вред отношениям с Польшей и другими западными партнерами. Не смотря на эти предупреждения, президент Петро Порошенко подписал все четыре закона. В декабре 2015 года Венецианская Комиссия Совета Европы объявила, что эти законы нарушают демократические стандарты и призвала к их пересмотру, но украинские власти не последовали ее рекомендациям.

Имплементация этих законов включала прежде всего устранение памятников и названий, связанных с коммунизмом. Многочисленные памятники Ленину и другим коммунистическим лидерам были сброшены с пьедесталов в центральных, южных и восточных регионах страны (в западных областях их убрали еще в 1990-х годах). Названия улиц, городских площадей, сел и других объектов по всей стране были переименованы из коммунистических в нейтральные либо в названия, связанные с новым националистическим нарративом украинской истории (не в последнюю очередь с целью утвердить преемственность минувшей и нынешней антироссийской борьбы).

Если местные советы не изменяли названий «снизу», парламент налагал это обязательство, иногда провоцируя протесты консервативных жителей. Кроме того, запрет коммунистической пропаганды обеспечивал законное основание для запрета коммунистической партии, которое было инициировано Министерством юстиции в 2014 году по причине участия этой партии в сепаратистской активности. В декабре 2015-го партия была окончательно поставлена вне закона, что повлекло за собой перекойку электорального поля Украины.

В языковой сфере, напротив, не было никакой последовательной политики. Власти воздерживались от решительных действий, скорее всего, из-за страха отвергнуть русскоязычных граждан, которые, как считалось, не хотят активного внедрения украинского языка, потому что оно привело бы к сокращению употребления русского. После неудачной попытки сразу после свержения президента Виктора Януковича отменить усиливающий позиции русского языка закон о языковой политике, принятый

по его требованию в 2012 году с электоральной целью, пост-евромайданная власть, видимо, решила, что этот закон должен остаться, так как его отмена может спровоцировать политические столкновения, играющие на руку Кремлю. Конституционный Суд Украины, зависящий от президентской администрации и обычно удовлетворяющий ее просьбы, более двух лет отказывался рассматривать обращение депутатов-приверженцев украинского языка, добивающихся аннулирования закона. В последние месяцы суд все же начал рассматривать обращение, но все еще не огласил вердикт. Тем временем парламент воздерживался от замены дискредитированного закона времен Януковича новым. Лишь совсем недавно несколько языковых законопроектов были поданы депутатами парламента, стоящими на позициях украинизации, но совсем не очевидно, что хотя бы один из них станет законом.

Украинское руководство не хотело пересматривать законы или нормативные акты, регулирующие употребление языков в отдельных сферах, даже в тех, где ситуация с титульным языком была особенно тревожной. Два принятых парламентом акта отнюдь не были результатом всеобъемлющей программы украинизации, хотя их принятие продемонстрировало значительный вес сторонников украинского языка в депутатском корпусе. Первым был закон «О государственной службе», принятый в декабре 2015 года, который предусматривает, что государственные служащие обязаны знать государственный язык (украинский) и использовать его при исполнении служебных обязанностей. Хотя утверждение исключительной роли государственного языка в государственном секторе может показаться тривиальным, принятие этой нормы продемонстрировало преобладание сторонников украинского языка над теми депутатами, которые хотели, чтобы новый акт отражал положение языкового закона 2012-го года, позволяющего использование так называемых «региональных языков» (прежде всего русского) наряду с государственным. Поскольку принятый закон о государственной службе исключил использование русского языка, он станет испытанием для многих служащих, полагающихся в своей работе преимущественно на русский, и для служащих с низким уровнем владения украинским языком либо с плохим отношением к нему. Пока не ясно, насколько строго закон будет приводиться в исполнение, но предыдущий опыт (до и после Евромайдана) не предвещает реального расширения использования украинского языка.

Вторым важным изменением стало внесение поправок в закон о телевидении и радиовещании, которые вступили в силу в ноябре 2016 года. Новый закон требует, чтобы радиостанций проигрывали 35 процентов своих песен на украинском языке - этот шаг направлен на преодоление почти полной маргинализации титульного языка (то есть доминирования русского) в этой области. Хотя поборники украинского языка преодолели сопротивление «радио лобби», утверждающего, что украинских песен попросту не достаточно для заполнения 35-процентной квоты, принятый закон оказался менее радикальным и более ограниченным по своему действию, чем изначально планировалось. Поправка распространяется только на радио, но не на телевидение, которое остаётся самым популярным источником информации в Украине, где русский язык также преобладает, особенно в прайм-тайм.

Ясно видно, что после Евромайдана не произошло значительного улучшения реального положения титульного языка, несмотря на его декларативную поддержку новым правительством, которая заметно отличается от преимущественной заботы Януковича о правах русскоязычного населения.

Почему подходы разные?

Хотя многие в украинском правительстве считают, что разные подходы государства к памяти и языку отображают позицию населения по этим двум вопросам, на самом деле оба вопроса являются спорными в приблизительно равной мере. В обоих случаях население Украины в целом разделено в вопросе желательности радикальных изменений, в то время как сторонники Майдана преимущественно поддерживает решительный курс. Общенациональный опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в сентябре 2014 года (через полгода после победы Евромайдана) показал, что 39% «полностью согласны» либо «скорее согласны», что «надо очистить Украину от символов советского прошлого», при этом 33% полностью либо частично не согласились.² Среди респондентов, высказавших «позитивное» или «скорее позитивное» отношение к Евромайдану (а это немного более половины всех опрошенных), уровень согласия с приведенным выше утверждением составил целых 64%, а несогласными оказались всего 13%. Подобным образом, 33% всех респондентов указали положительное или скорее положительное отношение к Украинской Повстанческой Армии времен Второй Мировой Войны (одной из наиболее неоднозначно воспринимаемых организаций в перечне «борцов за независимость Украины» в законе 2015 года), тогда как среди сторонников Евромайдана эта часть составила 60%.

Что касается языка, то согласно данным того же опроса, 40% всех респондентов хотели бы, чтобы украинский язык использовался «больше, чем сейчас», и 50% скорее предпочитают оставить его сферу употребления «такой же, как сейчас». В то же время для сторонников Евромайдана эти цифры составили 64% и 33% соответственно, что явно показывает стремление к изменению существующего положения. 46% из всех опрошенных полагают, что главной задачей языковой политики государства является распространение украинского языка во всех сферах жизни общества, в то время как 34% желали, чтобы государство прежде всего «решило» проблему статуса русского языка (что в украинском контексте означает скорее повышение, а не понижение статуса). Зато сторонники Евромайдана явно предпочитают развитие украинского языка: за это выступили 70% этой части выборки против 14% за «решение» вопроса о статусе русского. В некоторых аспектах государственной политики поддержка украинизации преобладала даже во всей выборке. Например, 59% респондентов согласились, что государственные служащие обязаны отвечать на украинском хотя бы тем гражданам, которые обращаются к ним на этом языке, и еще 23% предпочли, чтобы

² Опрос был проведен за счет гранта, предоставленного автору Канадским институтом украинских исследований Университета Альберты (Канада). Все цифры в тексте основаны на анализе автором первичных данных.

эта обязанность ограничилась территорией, где преобладающая часть населения говорит по-украински.

Одна из причин того, что пришедшие к власти благодаря Евромайдану политические партии не реагируют на «украинизационные» настроения своих избирателей, заключается в том, что они неправильно понимают, чего именно хочет население – вероятно, потому, что больше следят за громкими публичными дебатами, чем за социологическими данными, которые отражают общественное мнение. Это непонимание демонстрируют публикуемые время от времени заявления политиков и подтверждают мои интервью с несколькими политическими консультантами, работающими с партиями парламентской коалиции. Влиятельные политики и советники склонны верить, что текущая политика невмешательства в языковой сфере лучше отражает настроения украинского населения в целом (и промайданного сегмента в частности), и что активное продвижение украинского языка спровоцировало бы недовольство среди русскоязычных граждан. Принимая аргумент некоторых популярных блогеров о том, что настаивать на исключительном использовании украинского языка равносильно неуважению к русскоязычным патриотам, защищающим Украину на Донбассе, эти деятели пренебрегают контраргументом украиноязычных активистов, считающих недопустимым продолжающееся преобладание бывшего имперского языка, особенно ввиду нынешней войны Украины с неоимперской Россией.

Если смотреть на дискуссии в социальных сетях (прежде всего Фейсбуке), то действительно кажется, что для авторов, поддерживающих Евромайдан (среди которых преобладают высокообразованные и политически активные горожане) язык является более спорной темой, нежели память. Большинство этих авторов поддерживают более или менее радикальный разрыв с советским прошлым, не в последнюю очередь из-за того, что «русский мир» постоянно и агрессивно утверждает свою преемственность в Украине и других частях постсоветского пространства, а часто и за его пределами. В то же время видимая разница между этими двумя темами скрывает как сильное предпочтение какой-то форме украинизации, по крайней мере среди сторонников Евромайдана, так и значительную оппозицию декоммунизации среди других частей населения.

Неправильное понимание общественных предпочтений объясняет, почему новое правительство Украины не инициировало каких-либо существенных изменений в языковой политике, ограничивая поддержку титульного языка декларативным признанием его символической ценности и поддержкой его исключительного правового статуса. Впрочем, Порошенко подчеркивал скорее важность английского языка, представляя именно его как язык, открывающий различные возможности и потому достойный активного изучения и использования. Известные личности во властных структурах обычно не возражают открыто против инициатив, призванных расширить сферу использования украинского языка, потому что они не хотят выглядеть равнодушными к национальному языку, ведь это может запятнать их репутацию. Так было, например, с законом о языковых квотах на музыкальные произведения для радиостанций: его инициировали активисты, поддерживающие использование

украинского языка, вместе с поющими на этом языке исполнителями, а в итоге поддержали все фракции постмайданной парламентской коалиции.

Ввиду довольно безразличного отношения политических деятелей к вопросам идентичности, проведению последовательной политики памяти способствует наличие специального правительственного органа для работы в этой области: Украинского института национальной памяти, в задачи которого входят как разработка законов, так и надзор за их исполнением. В то же время языковая политика отдана в ведение нескольким структурам, чьи лидеры имеют разные взгляды на эту тему и степень ее приоритетности в деятельности государственной власти. Хотя эта структурная асимметрия существовала задолго до Евромайдана, новое правительство стимулировало политику памяти, назначив директором профильного института Володымыра Вятровича, энергичного менеджера и убежденного сторонника националистического взгляда на историю. Он, таким образом, стал главной движущей силой принятия и исполнения декоммунизационных и других связанных с политикой памяти законов. Создание подобного органа для языковых проблем потребовало бы больших усилий, и руководство страны явно не видит в этом необходимости.

Выводы

Пока что рано говорить, способствуют ли разные курсы правительства в сфере языка и памяти разжиганию конфликта между придерживающимися различных взглядов группами или же, наоборот, смягчению их позиций. Хотя дискуссии в социальных сетях ярко демонстрируют несовместимые позиции и горячие эмоции, их нельзя считать надежным индикатором общественного мнения, а сравнительных данных опросов об отношении граждан к государственной политике в этих двух сферах не существует. Пока что политические силы, стремящиеся мобилизовать своих избирателей против существующего правительства, не использовали эти темы. В настоящее время они предпочитают направлять свою критику на низкие стандарты жизни и неутраченную войну на Донбассе. Будущее покажет, всплывут ли темы языка и памяти в последующих избирательных кампаниях так же, как эти темы фигурировали в противостоянии между соперничающими элитами после Оранжевой Революции.

**Elliott School of
International Affairs**
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org